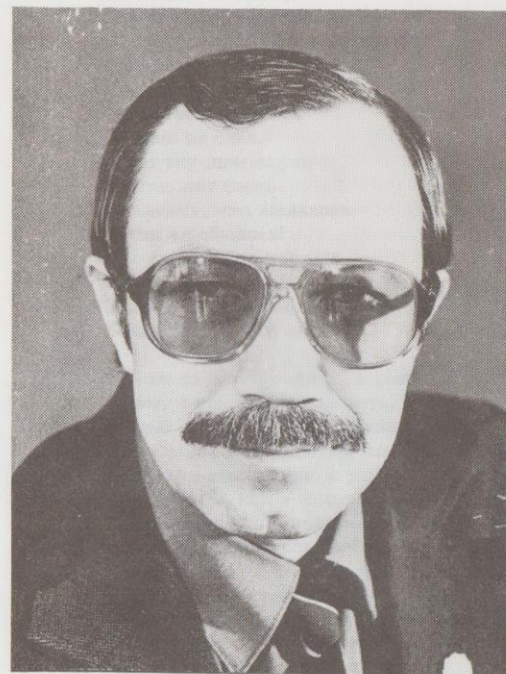

Памяти Олега Курочкина

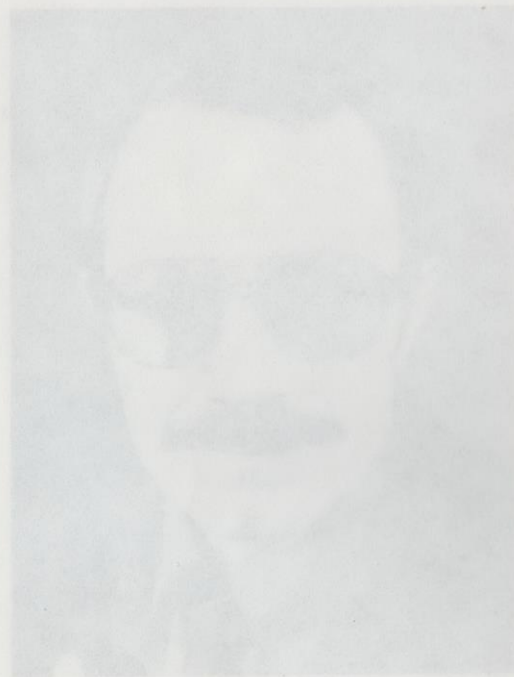

Олег КУРОЧКИН

СТИХИ

Излучаю разлук

НЕПОГОДА В ДУШЕ, НЕПОГОДА

Мы уходим не сразу,
Не все, понемногу.
Мы уходим под утро
И, грудь вонзаясь в рассвет,
На разбитой судьбиной
Последней дороге
Оставляем не пепел
И даже не след.
А вот эту щемящую,
Лютую нежность
Ко всему, что желалось
И так не сбылось!
Мы уходим, по каплям
Роня мятежность,
Может быть, прорастая...
Только в полный ли рост?

xxx

Банально все: и солнце, и река,
И лес, и это отражение лета.
И злой цыганки добрая рука,
Глотающая с жадностью монеты.
Банально все: начало и конец
Судьбы людской в земном круговороте,
Где не бывает принцев и принцесс,
А только жизнь, обрюзгшая во плоти.
Банально все, к чему не приценись:
Из века в век перетекая глухо,
Промозглый страх отпугивает риск,
Любовь страшится встретиться с разлукой.
Измена каплет изо всех прорех,
И миром правит грех, как ни печально. . .
Банально все. И только человек -
Единственное то, что не банально.

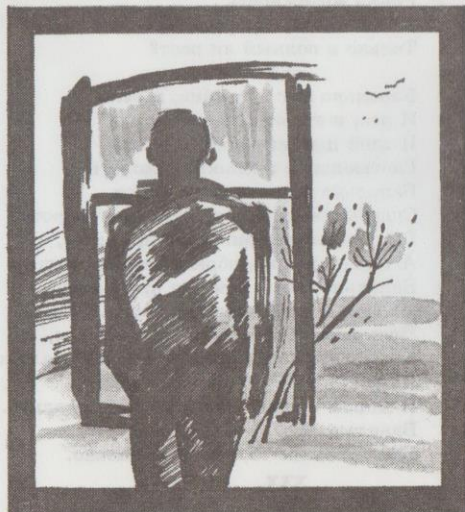
xxx

Город детства - у каждого.
В нем теплей и светлее.
Но давно я не хаживал
По знакомым аллеям.
Лишь от случая к случаю,

Лишь споткнувшись о память,
Приезжаю в задумчивый
Город детства - оттаять
От всего. Чтобы дочиста,
Звонко осветлив душу,
В ледяном одиночестве
Эту душу послушать.
И почувствовать исподволь,
Что ведь не жил, как должно...
Город детства - как исповедь -
В нем солгать невозможно.

xxx

Продышу ли я эти полгода,
Если нечем мне стало дышать?
Непогода в душе, непогода,
Знать, в октябрь соскользнула душа.

В тот слезливо-рыдающий ливень,
Что, томясь от осенних щедрот
И плывущие улицы сдвинув,

Пластилинит безумных сирот.
Не в каком-нибудь там зарубежье,
А в России, которой сродни
Изначально-мятежные, те же
Затуманенно-смутные дни.
Непогода в душе, непогода...
Об одном тебя, Боже, прошу:
Продышать бы мне эти полгода,
Я и дальше тогда продышу.

xxx

Мне упасть бы, упасть
На расшитую солнцем поляну,
Чтоб чертовски пропасть
В незабудково-синем тумане.
И, прижавшись к земле, -
Самой мудрой из встреченных женщин:
Испросить, сколько лет
Отпускаешь мне? Больше ли, меньше?
Но пугаюсь упасть.
А пропасть я пугаюсь тем паче:
Вдруг последнюю страсть
Жизнь рассудит иначе...

xxx

Все было - и вечерний звон,
Упруго рвущий тишину,
И алые верхушки крон,
Уже клонящихся ко сну.
И гул холмов, и даль равнин,
И отражения в пруду.
И облаков бездумный клин,
Накликающий беду.
И камень, вросший тяжело,
Безмолвным стражем, словно нить:
Не все, что было - отжило,
Не все, что будет - станет жить.
А будут и вечерний звон,
И тишь, и роспись облаков,
И ощущение, что резон
Есть в притяжении веков.

xxx

Нас примиряет только смерть.
А жизнь разводит и разводит.

В рассыпанной судьбой колоде
Нет козырей... И не сумеь
Сыграть. А прежде игроки
Мы были, в общем, неплохие.
Теперь за нас, увы, другие
Сыграют... Им пока с руки.
А нам вослед остались медь
Да речи при честном народе.
Ведь примиряет только смерть.
А жизнь по-прежнему разводит...

xxx

А если так вот: головою вниз
И наплевать на то, что скажут люди
Ведь их, в конечном счете, не убудет:
Сошлются просто - такова, мол, жизнь.
А если так вот: головою вверх.
И наплевать на то, что скажут люди.
Ведь их, в конечном счете, не убудет.
Но не простят они того вовек...

xxx

Наверно, верно - дважды не шагнуть
В одну и ту же яростную воду.
А я пытался, тискаю найти весну,
Что притаилась у обрыва года.
Расхристанного нищенством души,
Примятого сварливой непогодой.
Сорваться б с кручи, чтобы приглушить
Тоски течение, как крутую воду.
Да только все бессмысленно - шагнуть
Я понял: в жизни дважды невозможно.
Ни в воду, ни в реальность, ни в весну,
Которая пока еще тревожит...

xxx

Капли падают как когда-то -
Тоже ночью, хоть дождь озяб.
Я не знаю, какою платой
Заплачу за рябой сентябрь.
Невеликое, будь великим,
Если горести велики.
Листья, горбясь, теряют лики,
Словно люди в тисках тоски.
И, живя в неживом ознобе,

В цепенеющем полусне,
Ощущаешь дыханье скорби
От того, что под сердцем снег...

xxx

Кладбищенский покой.
Кресты. Березы. Благодать.
И грусть - та, что такой
Невыпитой осталась.
И этот вечный мир.
И вечное прощенье
За то, что мы людьми
Не жили, к сожаленью.
А жили, каждый миг,
Растапывая тленом:
И первый детский крик,
И первое дряхленье.
И грустно от того,
Что давит жизнь на плечи,
Что мыслим о живом,
А вот они - о вечном...

xxx

А мы калифы даже не на час:
Рождаемся и тут же умираем,
Едва газета, болями крича,
В Небытие уходит... И не в рае
Неутоленность репортерских душ
Второй древнейшей и новейшей ныне.
Ей точно нет пристанища в аду,
А только в жарко раскаленной жизни.
И понимая это, горячась,
Опять спешим. И рвем сердца, и вены,
Ведь мы калифы - даже не на час,
Хоть он скудной отпущенных мгновений...

xxx

Немного надо для полета
В заботы втиснутой души...
В морщинах времени полотна -
Их невзначай не потуши.
Ведь, Боже, как непросто это:
Столетий пыль преодолеть,
Гореть, вливаясь свежим светом
В людей, живущих на земле.

И пусть ломает кто-то копыя:
Мол, все не то...
Вглядись-ка в холст
Да так, чтобы Средневековые,
Как песня, в кровь твою влилось!
Чтоб ты, согретый пробуждением,
Сумел, года поторопя,
Постичь не только Возрождение,
Но возрождение себя.
И осознать, что ты - не кто-то,
Не понимая, прежде жил,
Как мало надо для полета...
Как много надо для души!

xxx

Слово может замерзнуть,
Как человек,
Не найдя ни приюта,
Ни места ночлега.
И тогда это слово
Превращается в снег...
Потому-то и много,
Наверное, снега.
Замерзают слова,
Не достигнув людей.
Ах, когда бы они
Достигали. Хоть часть их,
Было б в мире, наверное,
Вдвое теплей,
И весомей любовь,
И надежнее счастье.
Жаль, иная судьба им
Дана - сгораяча,
Разбросало их время
По свету пословно.
Счастлив тот, кто такие
Слова повстречал,
А, согревшись, сумел
Обогреть и другого.
Но всегда ли? И в этом
Есть наша вина.
Как слова б те собрать
И не дать им замерзнуть?

Чтобы долго румянилась
В мире весна...
...И какими б медовыми
Были те весны!

xxx

Ищу святую простоту,
Как нумизмат свою монету.
Не показную - просто ту,
Какой дано ей быть на свете.
Ей тяжело сквозь век брести:
Нет усложненности предела.
И простота, как снег в горсти,
С годами тает то и дело.
А без нее-то никуда
Ведь никому из нас не деться.
Вот потому-то иногда
Я так сбегать мечтаю в детство.
Туда, где правит простота,
Что с тонкой искренностью слита.
...Найду ль ее, чтобы устав,
Шепнуть: «О санкта симплицитас!»

xxx

Все мы в оковах
Времеострожья:
Время, как слово,
Многое может.
Время сшибает,
Бьет и калечит.
Время подскажет,
Что нужно делать.
Пылкость остудит,
Лишнее сдует.
Время рассудит
Будет - не будет.
И, между прочим,
Даже без премий
Чернорабочим
Трудится время...

xxx

Не надо пытаться в былое.
Твержу молитвенно: не надо -
Там, за спиной, залиты мглой

Его немые баррикады.
Там - сторбленное пепелище,
Как нищенка с пустой сумою,
Где мы невыразимо ищем
Себя - и летом, и зимою.
Но только хлопоты напрасны.
Напрасны прошлого стенанья:
Былое было так прекрасно,
Как первоцветные признанья.
Не надо пятиться в былое.
Оно, как выстрел запоздалый, -
В тебя, в меня ль картечью злою
Нет-нет да все же попадало...

xxx

Не состоялась маленькая жизнь.
Большая тоже ведь не состоялась.
И мне единственное, что осталось, -
Остаток жизни проживать во лжи.
Но не хочу. Паду пред жизнью ниц
И вымолвлю одно лишь только слово,
Не знающее никаких границ:
«Люблю!».
Чтоб ошибаться
Вновь и снова.

xxx

Жизнь бы заново начать,
Отряхая с плеч усталость,
Чтоб острее подмечать
Все, что слабо подмечалось.
На какой-нибудь версте
Захмелеть, хлебнув рассвета,
И с поклоном - к чистоте
Расцветающего лета!

xxx

Мечтал об ожидаемом дожде...
Наверно, и легко, и даже просто...
В судьбе, уже пролитой до погоста,
На паперти пристанища - нигде.
Но, обнимая тот мерцавший крест,
И, зная, - не добраться до Христова,
Ты понял: все, которые окрест,
Понять не могут жизнь - она не нова...

xxx

Мы начинаем прозревать,
Когда судьба боднет под сердце,
И ищем круг единоверцев,
Каким на это наплевать.
А все могло иначе быть,
И все могло звучать иначе...
Но если ничего не значим,
Зачем нас невзначай любить?

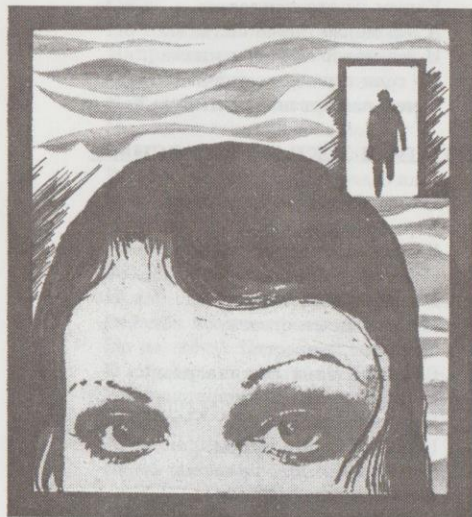
НИ ТЫ, НИ Я УЖЕ НЕ СПРОСИМ...

На юг! Опять на юг...
Угрюмые перроны
Излуками разлук
Болезненно-зеленых,
В которых ни «прости»,
В которых ни ответа,
Которым довести
В прозительных конвертах!
В которых ты - не ты,
И я ничто не значу...
Недаром, как в кусты,
В себя забьемся, прячась.
Недаром, угадав,
В движении экспресса
Движение в Никуда,
Застывшее на рельсах, -
Спасительное «юг»,
Как тяжесть междометья,
Мы выдохнем не вдруг,
Не сразу и не вместе.
И потому вокруг
Морщинятся перроны
Излуками разлук
Болезненно-зеленых...

xxx

Ни ты, ни я уже не спросим
Друг друга о заблудшей боли,
Когда крадется в души осень
И мир дождливо обездолен.
Ни ты, ни я уже не спросим,

Моля Всевышнего беззвучно,
К чему крадется в души осень,
Когда и холодно, и скучно?
Ни ты, ни я уже не спросим,

Судьбу не испросивши сразу,
Зачем крадется в души осень,
Какую не приемлет разум?
Ни ты, ни я уже не спросим
Ни о былом, ни о грядущем:
Когда крадется в души осень,
Не спрашивать об этом лучше.

xxx

Немногая из многих женщина
С припухшими устало веками,
Не ты ли мной была утешена,
Когда утешить было некому?
Не ты ли выцветшие горести
Дарила пригоршнями робкими?
Не думалось, что будут вскорости
Беззвучны радости короткие.

Не думалось, что счастье звонкое
Из вроде металла чистого
Вдруг брызнет грустными осколками
И обожжет меня неистово.
И все же, вся весной процежена,
Приди задумчивою тайною
Немногая из многих женщина,
До тихой горечи желанная...

xxx

Ты вся до капельки весенняя,
В морщинках солнышко запуталось,
А мне бы чуточку везения,
Чтоб рассказать о том, что думалось.
О том, что прошлое отщепчется.
Совсем отчетливо. Без таинства.
Что боль моя, вмерзая в месяцы,
Нераспечатанной останется.
Что будет вовсе не до шалостей,
Когда другой вокзально явится...
Ты только не тверди, пожалуйста,
Что он загадочней окажется.
Ведь не поймет он, хоть и влюбится,
Тобой с придирчивостью встреченный,
Что ты писалась не по Рубенсу,
Но стала рубенсовской женщиной!

xxx

Как же так получилось,
Что в дни колокольные,
Перевитые робко
Мерцавшим родством,
Мы с тобой не заметили,
В детство влюбленные,
Как оно отшатнулось,
А мы - от него?
Отдалилось прошившими
Нас расстояниями,
Не оставив взамен
Никакого цита.
Потому и судьба
Рубцевала страданиями,
Да такими, что разве их
Все сосчитать?

Нам остались усталостью
Годы размытые.
Серебро на висках
И, пожалуй, одно:
Мы придавлены прошлым,
Словно павшие, плитами.
Но, как павших, так детство
Воскресить не дано...

xxx

Вдруг все не так,
Все внове...
И я затосковал,
Хоть в колокольном Пскове
Ни разу не бывал.
И не пил жадно солнце,
Червленое, в рубцах -
Отметиной ливонцев
На росичей сердцах.
И в тех соборах, этих
О прошлом не тужил.
Немного жил на свете
Да песни не сложил.
И потому так чутко,
Отталкивая страх,
Я чувую, что не в Чудском
Тону - в твоих глазах!
Не выплыть,
Не спастись мне
В их зябкой полынье...
Вдохни немного жизни:
Тонуть отважней мне.

xxx

Женятся с помпой -
Разводятся тихо и буднично.
Это логично:
Смерть - панихида всегда.
И в катафалке
Усопшей любви
Среди уличной
Неразберихи
Не сразу заметна беда.
Этих двоих

В остановленном времени.
Этих двоих
На планете людей.
Прошлые их
Это горсточка семени,
Что не взойдет
Никогда и нигде...

xxx

А мне не остается ничего,
Как по-мужски отчаянно напиться:
Есть колокол-стакан - он вечевой
И не позволит в этом усомниться.
И я тебя не стану укорять
За то, что долог путь до человека...
Возьму себе пол-литра в лекаря
В России это - самый лучший лекарь.
Не веришь? Приезжай и ты поймешь:
Мое слегка залеченное чувство
Заврачевала водка, а не ложь
Четырежды целебного искусства.

xxx

Ты хочешь знать, как я живу
В краю, разлукой опаленном?
Я пью утрами синеву
Вприкуску с солнышком каленым.
И ухожу по тропке в лес,
В июль порывисто летящий,
Поскольку в мире мало мест
Для размышлений подходящих.
Потом в березовый конверт,
Дождаться думая ответа,
Кладу - и шлю тебе вослед
Незапечатанное лето.
Но знаю: письма не спасут,
Когда уже встречаться поздно...
И лишь наивные стрекозы
Мне грусть на крылышках несут.

xxx

Уже уходишь? А не рано?
Спешишь? А я не тороплюсь.
Мерцает листиком багряным
Моя сентябрьская грусть.

И в паутинке отношений,
На жизнь теряя все права,
Смирясь, застыли без движенья
Полуистлевшие слова...

xxx

Я мог бы стать тобой. Неистребимо.
Процеженный шальной земною болью,
Я понял, что не ту назвал любимой.
Не та со мною. И не с той любовью.
Роптать теперь бессмысленно. Но все же
Я не пугаюсь показаться слабым,
Ведь в каждый день, который мною прожит,
Я мог бы стать тобой... А ты смогла бы?

xxx

Мы не всегда расчетливо-правы и
Вбегаем в жизнь - к добру ли, не к добру ль...
Я видел руки - жалобно-живые -
Они, как чадо, обнимали руль
Троллейбуса, дышавшего морозом,
Блуждавшего в сугробах декабря.
Была из всей поэзии лишь проза
Дорожно-светофорных передраг.
А эти руки нервные страдали,
Желая клавиш, а, быть может, струн.
И от того плакуче припадали
К рулю, играя в странную игру.
Зачем так? С копной цветущей меди
Ты жизнь могла б иначе укрощать...
Я, может быть, единственный заметил
То, что никто не в силах замечать.

xxx

Будь со мной,
И я с тобою буду
Злу, наветам
Бедам вопреки.
Будь со мной
До утреннего бунта,
До последней
Выцветшей строки!
Будь со мной
Мятежною, полынной
И горячей,

Как январь шальной.
Будь со мной
Единственной
И сильным
Вдвое стану я,
Как ты - со мной!

xxx

Я заново жизнь измеряю.
Открыто. У всех на виду.
А вдруг я тебя потеряю
И больше уже не найду?
А что если это случится,
Стремглав, как беда налетит?
И будет неверие биться,
Запутавшись в сетях обид.
И станет улыбка погасшей,
Безвкусными губы твои,
И полночь качнется от страшных
Шагов уходящей любви...

xxx

Люблю смотреть тебе в глаза
Немного пристально и ясно.
Так молятся на образа,
Отдавшись вере без остатка.
Я тоже веровать хочу -
С тобою вера эта слита.
Не удивляйся, что шепчу
Слова признанья, как молитву.
И, как огонь среди темноты,
Храню торжественность обряда:
Моя религия - лишь ты
И никакой другой не надо.

xxx

Все без тебя - и праздники, и будни,
И сирых дней немая череда.
Печаль, как вьюга, смолкнет. Снова дунет,
И в душу заползает холода.
Но я креплюсь, покуда верю в чудо
Того, что вдруг, очнувшись ото сна,
Оттуда - из души - да-да, оттуда
Лукаво приосанится весна...

XXX
Расставанье... Непросто отважиться
И понять, как нелеп человек:
От тебя улетаю, а кажется -
От себя улетаю навек.
В необузданной непостижимости
Человеческих тайн и судеб,
Кто подскажет - на чьей это милости? -
Обратиться к какому судье,
Разрешить чтобы неразрешимое,
Взять из истин одну, торопясь...
Я не знаю, какую, любимая.
Я лечу. От тебя. От себя.

XXX
И опять ты говоришь: «На место...».
А ведь вроде бы и не должна:
Без пяти минут почти невеста,
Без пяти минут почти жена.
Я, вздохнув, уныло покоряюсь.
Видишь, я совсем уже поник,
Потому что снова укрощаюсь,
И плетусь в свой мир, как в грустный цирк.
Ну а там, арену-жизнь измерив,
Понимаю: что-то все не так,
Ведь не зря порой бунтуют звери,
В общем-то, послушные хлыста...

XXX
Чужому счастью не завидую,
Свое пока что не создав,
Гляжу, как ливнями умытая,
Пронзает осень города.
Как оседают, горбясь, здания,
Как сосны ежатся в тиши.
Но с чем сравнить похолодание
Неосчастливливенной души?
Комочки инея навязчиво -
Птенцами в гнездышках листвы...
А мне бы счастья настоящего,
К которому я не привык.

XXX
Как до боли охочи
Злые губы твои!

Замер в горечи ночи
Первый возглас любви.
Изумленный, как ужас,
Он не сразу сумел
Отлететь, отшатнувшись,
От расплавленных тел...
Как свидетель паденья
Покоренных высот,
Строгий лист осужденья
В тишину упадет.

XXX
Мы и вначале не звучали...
Теперь подавно не звучать:
Слова настолько измельчали,
Что чувствам незачем мельчать.
Труха в былом,
А значит в прошлом
Не различить среди трухи:
Плохое было ли хорошим,
Или хорошее - плохим?

XXX
Я очень многого хотел,
Но, оказалось, заблуждался.
Я думал, что в сплетенье тел
Союз весомый зарождался.
Но поутру, открыв глаза,
Я увидел в истоме тела
То, что тебе я не сказал,
Что не скажу...
Но в том ли дело?

XXX
Ночных перронов
Онемевший свет,
Ломающийся
В пригоршнях мороза.
И слезы той,
Какой со мною нет -
Такие скупы
Медленные слезы.
Ты понимала,
Что не возратить
Ни встреч негромких,

Ни ночей горячих.
Ты уезжала,
Чтобы зряче жить.
В грядущем.
Том,
В каком я жил незряче.
Мне не удалось
Многое сказать.
Лишь отмолчаться
Только и удалось:
Когда дуэльно
Бьют глаза в глаза,
Словам доступным изменяет смелость.
И в тишине,
Расколотой вослед
Экспрессу,
Пробудившемуся словно,
Остался только
Онемевший свет
Прошитых пустотой
Ночных перронов...

xxx

Шел дождь... А мы не ощутили
Прикосновенья его стрел.
Мы на мгновенье позабыли
Об уходящем сентябре.
А капли гулкие, листва ли,
Навстречу полночи летя,
Нам тихо-тихо напевали
Ноктюри вечернего дождя.
И мир запахивался глубже
В ночь - словно в тесное пальто.
И лишь одна немая стужа
Сочилась, как сквозь решето...

xxx

Листопадется чувство.
И, как в плачущих скверах,
Осыпаются густо
Листья худенькой веры.
Не в грехах уличая,
А в безгрешности детской,
Мне оно не прощает

Оголенности сердца.
Не прощает сомнений...
Но не станет их меньше:
Ту, что помнил весенней,
Как найти среди женщин?
Потому есть и мера
В оправдании грустном -
Обожженная вера
Обожженного чувства.

xxx

Я приду без уловок,
А открыто любя,
Чтоб дымящимся словом
Не обидеть тебя.
Чтобы в дрогнувших строках
Устоять пред тобой.
И не выпить до срока
Недозрелую боль.
Я приду, как на пристань
Спелых мыслей и чувств,
И рапсодией Листа
В твой уют постучусь.

xxx

15 лет бывают только раз
В любую пору - добрую ли, злую.
15 лет - эпоха робких фраз
И первых неумелых поцелуев.
15 лет бездонны, словно мир...
Закрой глаза, чтоб оценить бездонность
Прекрасного, что мы живем людьми,
Всегда которым свойственна влюбленность
Вот в этот дом, в аллею, в палисад,
В живое небо, в стойкое бессмертье!
15 лет, как ветер в паруса, -
Волнующий, как все на этом свете.

xxx

Времени скупая горстка...
Многое ль прочтешь во взгляде?
Встреча эта близ Подольска
Хрупко в памяти осядет.
А взамен - лишь ожиданье
С тихой горчинкой грусти.

И желание свиданья,
Очень верное по сути...

XXX

Нас время жесткой метой метит.
И не заметишь, как стремглав,
Влетает очередное лето
Непрошено. Из-за угла.
И это неостановимо,
Как утро грянувшего дня.
Спешите же любить любимых!
А годы... Пусть себе звенят.
Чтоб в каждом новом измереньи
С морщинкой каждой - горячей,
Проклевывались не сомненья,
А свежесть в нежности ночей!
И будет солнца много, сини
В нас меж метельным рубежом...
Пока есть в доме Берегини, -
Давайте их побережем!

XXX

«Надеждой и живем...» -
Ты, помнится, сказала.
И точно угадала,
Ведь в этом я - с тобой.
Надежда нас одной
Веревочкой связала,
А, может, даже
Более - судьбой?
Неотвратимой,
Как во дни блокады,
Когда бы жить,
Да вот нельзя живьем
Сдаваться там,
Где этого не надо,
Где только мы
Надеждой и живем...

XXX

Я не хочу дежурных поцелуев.
Дежурных клятв. Дежурных, в общем, слов.
Я не дежурную и злую,
Отринутую в ненависть любовь.
Я не хочу сегодняшнее утро.

Я не хочу сегодняшнюю ночь.
Я не герой блудливой Кама-Сутры.
Поэтому меня ты не пророчь.

XXX

Не люблю километры -
По старинке их меряю верстами,
Впопыхах уезжая,
Поцелуй второпях позабыв,
Я спешу, потому что
Дорогой судьбина не сверстана,
И не сверстаны версты
Дорогой крошечной судьбы.
Мне и надо немногого:
Строки - самые робкие -
В перевитых дорогами
Судьбах людских обрести.
Бродят версты во мне,
Как мелодия детства негромкого.
Не сердись, дорогая,
Не умею иначе. Прости.

XXX

Под солнышком медленно плавясь,
Лежали вповалку тела.
Вдруг, пляжный уют разбивая,
Она торопливо вошла.
Не женщина и не подросток,
Скользкая так горячо.
В ней юность - какая там взрослость! -
Проклюнулась только еще.
И в бьющемся пламени взглядов,
Пригревшихся в сонном тепле,
Ее сарафанчик крылато
Вспорхнул, словно бабочка с плеч.
И шла она дальше, алея, -
Вниманьем была смущена...
Казалось, с холста Рафаэля
На землю сбежала она!
Но звонкой воды не касалась,
Коленки, присев, обняла...
Как будто взлететь собиралась
И ветра вдогонку ждала!

xxx

Отстыжусь, отболею
До заплаканной грусти.
От обид отбелею,
Оталею от чувства.
И пойму, глядя в осень:
До последнего слова
Не в поэзии - прозе
Продолжение былого.
И когда вдруг забьется
Сердце вновь неумело,
То приму я, как солнце,
Близость женского тела...

КВАРТЫ

Мне б уехать... И, может, уеду,
Не дождавшись, не долюбив.
Что же ты не трубишь победу?
В рог рыданий моих? Т-р-у-б-и!

xxx

Ничто дождя не предвещало.
Вдруг гром вмешался,
Спутал карты.
И по-кошачьи заурчала
Вода, щекой прильнув к асфальту!

xxx

Прислониться б душой, прислониться
Вот к такой же нескладной душе.
Только где эти души? Есть лица,
Целят взглядами, словно в мишень...

xxx

Любовь уже не срифмовать...
Я не рискую -
Мне больше негде отыскать
Строку такую.

xxx

Я боюсь заблудиться
В частоколе неверия...
Всюду мертвые лица,
Словно листья в безветрие.

xxx

В мире чувств, насмешливо потасканных,
Не бывает худа без добра:
Ты - моя единственная сказка,
Не прочитанная до утра!

xxx

В березняке
Свечение ветки каждой.
И каждый день,
С утра и допоздна,
Сентябрь дождями
Утоляет жажду,
Поскольку лето
Выпито до дна!

xxx

... И, наверное, так кстати,
За твое молчанье мстя,
На веснушчатом асфальте -
Вальс вечернего дождя!

xxx

Снова чувство не старясь,
Кровоточит, как ссадина...
Я в тебе растворяюсь,
Как в пейзажах Ромадина.

xxx

Я к вере припадал земной - -
Не лубочной, иконописной.
И все, что было, есть со мной
Не от лукавого - от жизни.

ЗАБУДЬ, О РУСЬ СВЯТАЯ, ЛОЖЬ...

И только у природы постоянство.
Его не спутать ни с каким другим.
Жизнь сходит с круга.
Но, устав от странствий,
Опять приходит на свои круги.
Зачем все это? Зажигая свечи,
Мы гасим прошлого колющий свет.
И, как сто лет назад, сутулим плечи,
Не зная, что и как сказать в ответ...
Календарей оборванные даты

Ненужным хламом выгоревших вех.
 Нам остаются скорбные заплаты
 В наследство от бессмысленных прорех.
 И только вера - жгуча и упруга -
 В одну тебя, замедленная Русь...
 Я не хочу, чтоб жизнь сходила с круга.
 Пусть, как в природе. И надолго пусть.

xxx

Зачем в изначальном начале конца
 Бредешь вековою дорогой,
 Сегодняшний Бог и сегодняшний царь,
 А завтра страдалец убогий?

Ведь жизнь, как прыжок из пронзительной тьмы,
 А значит всегда приземление.
 Уйдя от сумы, не избежешь тюрьмы -
 Постыдной вины поколений.
 За то, что нигде - ни вот здесь, ни окрест -
 В замызанной сиростью яви,
 Хватило силенок лишь только на крест
 И то в придорожной канаве.

С улыбкою рваной на ветхих губах
 Уйдешь ты обыденно, просто...
 Такая уж, видно, в России судьба, -
 Страдая, страдать до погоста.

xxx

Забудь, о Русь святая, ложь,
 Как забываются напасти.
 Ведь в нас святого - ни на грош,
 А только страсти, только страсти.
 Забудь, о Русь святая, ложь,
 Какая иногда во благость.
 Ты, главное, не потревожь
 Разрушенного века радость.
 Ты, главное, не возврати
 Невозвратимое начало,
 С которым было по пути,
 С которым начинать сначала.
 Оно, как отхрустевший нож,
 Надрезавший Былое грязно...
 Забудь, о Русь святая, ложь.
 И будет - и светло, и ясно.

xxx

Всегда ль от зла уберегут
 Рожденного едва?
 Меня Иваном назовут,
 Не помнящим родства.
 И где-то посреди Руси,
 В расхристанной глуши,
 Мне имени не воскресить,
 Не воскресить души.
 Не потому ли безымян,
 Что жил в разбухшей лжи,
 Наивно веруя в обман,
 Каким зовется жизнь?

xxx

Под Кандагаром
 В слепом угаре
 Мы шли в атаку -
 Ножи в ножи.
 А то неважно,
 Что было страшно -
 Мы отстояли те рубежи.

Потом глушили,
Что было силы
Кипящий в жилах
Горячий спирт.
И вновь вставали
На перевале
За тех, кто ныне
В горах зарыт.
Под Кандагаром
В слепом угаре
Мы не роняли
Солдата честь.
Тебя, Россия,
Храним за сими.
За то, что в мире
Ты ясной есть!

XXX

Мы живем ощущением сложным:
Вроде жили и вроде бы нет.
Потому и во времени прошлом
Не находим, хоть ищем ответ.
На вопросы, какие столетья,
Разрешить не сумели, грозя
Лисьей лестью ли, волчьей плетью...
Только с Русью так грубо нельзя.
И когда супостат-иноземец,
Попирая мячом и огнем,
Правил истиной вроде, но семя
Прорастало сквозь смерчи жнивьем.
Потому и гордимся, что жили
Реже в радости, чаще в беде:
Мы Россией своей дорожили.
Дорожим. Как никто. И нигде.

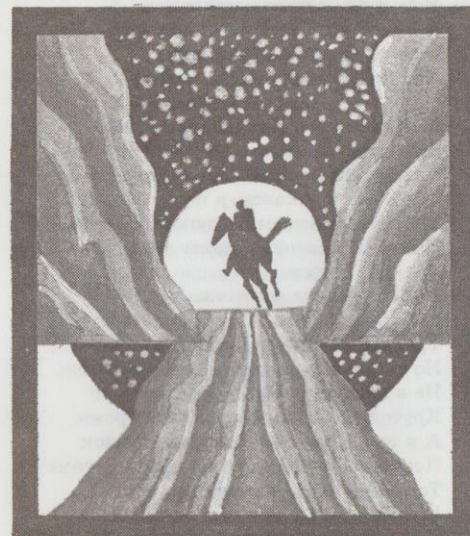
НА ДРОГНУВШЕМ СТЕКЛЕ ЗЕМЛИ...

Дивясь апрельскому светленью
И небу в хрупких облаках,
Как звонкому стихотворенью,
Весною пахнущем в строках, -
Как ковшик, руки я наполнить
Лучами солнышка рискну.

И буду прямо из ладоней
Пить ароматную весну!

XXX

Мир невостребован сегодня -
Ни днем, ни вечером, ни ночью.
По небу простучали кони,
Галопом смертным мне пророча
Незатишающее буйство,
Незатишающее чувство,

Не пустоту, в которой грустно,
Не грусть, в какой порою пусто,
Не эту мрачную мятежность,
Не отчужденность поцелуя,
А просто яростную нежность,
Невинную, как «аллилуйя»!

XXX

Не понимаю тишины,
Пришитой к улицам вечерним,
Когда присутствие весны

Острее, ближе, откровенней,
Что кажется: едва коснись
Клавиатуры этих улиц,
И запоем проспекта лист,
Как печь, которую раздули.
И кажется: оттаит тишь,
И улыбнутся вдруг трамваи,
И осмелеет ветер - с крыш
Сосульки, как цветы, срывая
И будут вьюги сожжены,
И будет снег глядеть с тоскою...
Весной не нужно тишины,
Как жизни - капельки покоя!

xxx

Мой принцип: сядем и поговорим
За жизнь. И взглядом души отворим.
И не гнушаясь мыслимым родством,
Родством смыкаясь, а не естеством,
Простим нелепость, глупость бытия,
Кому-то верность, а кому-то «я»...

xxx

Выстреливают зонтики: есмь дождь -
Ноктюрн из убегающего лета.
Троллейбус на заплаканный похож...
Но главное не в этом. Нет, не в этом.
Не в лужах, ощущающих восторг
Крутой реки, не в басовитом громе,
А в том, что день явился и промок
Почти до нитки, в призрачной истоме
Того, что после выструится тишь,
И небо вдруг задышит по-земному...
И ты поймешь и многое простишь,
Как понимают, возвращаясь к дому.

xxx

Зачем интеллигентов корчим,
Примерив неуклюже смокинг?
Сказав «хотим», мы сами «Хочем»
И не «Мартини» - просто водки?
И, выкорчевывая души
Людей, налипших откровеньем,
Мы судьбы не крушим, а крушим,
Смешав отнюдь не ударенья.

Мы из отринутого завтра
В сегодняшнем дрова ломаем,
Хоть в позвоночном хрусте марта
Неразличимы шрамы мая...

xxx

Я не люблю - жалею женщин.
А ту, которую любил,
С которой сыном был повенчан -
Забыл... Наверное, забыл.
А, может быть, не так. Ведь только
Едва к былому прислонюсь,
Я помню прожитое горько,
А также сладко - наизусть.
Но невозвратное не смея
Далекой памятью вспугнуть,
Я женщин не люблю - жалею
И в том моих поступков суть.

xxx

Не внемлет скорбная душа,
И тело, видимо, отпело...
Знать, жизнь настолько осмелела,
Чтоб ничего не воскрешать
А, может, незачем спешить?
И, может быть, не в этом дело:
Останки сгорбленной души
Еще соединятся с телом...

xxx

Поэты рождаются ночью,
И ночью они умирают.
А некоторым кажется, в общем,
Они предрассветно сгорают.
Быть может... Но только ли это
Тревожно... И в самом ли деле
Уходят они под рассветы
За все, что успеть не успели?

xxx

То затишье глухое, то грозы,
То снега, то крутые ручьи.
И всплывает в меня Лакремоза
Вместе с горестной грустью ночи.
Дотянуть бы, дожить до рассвета,
Чтоб затем уже все - трын-трава.

И тогда б и про то, и про это
Рассказать отыскались слова...

xxx

Веселись, либо бедствуй,
Как судьбу не неволь, -
Мы уходим из детства,
Чтоб вернуться в него.
И такою простою
Представляется суть.
Та, с которою стоит
Напоследок уснуть...

xxx

Мир выпал...
Остаются сожаленья.
Был однозначен он,
А стал другой...
Мгновения стреляются
Мгновеньем,
В которых был
И остаюсь - изгой.
Из давних судеб
Проникаясь в Лету,
Не понимаю:
Я ли это, нет...
Лишь продолженьем
Крохотного света,
Еще пытаюсь
Укротить свой свет.
Но знаю: быть
Ему совсем негромким -
Мелодией упавшего дождя.
И не пройти
По самой крайней кромке,
Когда Былое топчешь, уходя...

xxx

Когда неумолимо крушит
Нас жизнь на смертном рубеже,
Изорванные в клочья души
Не склеиваются уже.
И остается только этот
Путь, что еще преодолим:
Блеснуть хотя бы каплей света
На дрогнувшем стекле Земли...

Немного об авторе

Олег Дмитриевич Курочкин родился в 1953 году в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Но вот уже 40 лет - кемеровчанин. Окончив в областном центре среднюю школу - 16, почти три года проучился в Кузбасском политехническом институте. Однако, когда понял, что инженера из него не получится, поступил на филологический факультет Кемеровского госуниверситета, увлекся журналистикой. По окончании КемГУ получил распределение в газету «Комсомолец Кузбасса». Потом была служба в армии, возвращение домой, в «молодежку». С 1986 года - спортивный обозреватель газеты «Кузбасс». Стихи начал писать еще в школе. Публиковаться - в студенческой многотиражке. Позднее стихи Олега Курочкина печатались в периодической печати, альманахе «Огни Кузбасса». Этот поэтический сборник - дебют автора в кузбасской литературе. Отредактировать его рукопись любезно согласился известный в области поэт, член Союза писателей России Владимир Иванов, а издать - администрация Кемеровской области в лице руководителя пресс-службы Сергея Черемнова, за что автор весьма ему признателен. Благодарен он также художнику Александру Смирнову, чьи иллюстрации оказались как нельзя кстати.

Олег КУРОЧКИН

ИЗЛУКАМИ РАЗЛУК

Стихи

Оператор набора и верстки **П. Бузаков**

Корректор **Е. Чадова**

Сдано в набор 19.11.2001. Подписано к печати 10.12.2001. Формат 60x80¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 4257.

Издатель - Приложение к газете «Лик»
г. Ленинск-Кузнецкий

Отпечатано в Ленинск-Кузнецком
полиграфобъединении.

652500, г. Ленинск-Кузнецкий, ул. Белинского, 17.